

Пока он говорил, Цзян Ся вложил открытый край пакетика ему в рот и сдвинул его. Ароматный раствор попал в рот, и он рефлекторно начал пить.

Цзян Ся смотрел, как он держит маленький пакетик с раствором, изредка поднимая на него глаза, и пьет глоток за глотком, чувствуя большое удовлетворение.

Когда он допил, Цзян Ся выбросил пакет в мусорку и спросил:

— Вкусно?

— Вкусно.

Специальный раствор, конечно, был лучше других.

— Два пакетика в день. Если закончатся обе коробки, а ты все еще не сможешь есть, я снова тебе куплю.

Цзян Ся встал, присел у детской кровати и посмотрел на двух спящих детей. Они были такими же худыми, как Тан Ихэ, и это вызывало жалость.

Он смотрел на фигуру Цзян Ся, долго собирался с духом и, когда тот встал, собираясь уходить, наконец спросил:

— Цзян Ся-гэ.

— Да?

Цзян Ся вернулся к кровати.

— Почему ты так хорошо ко мне относишься?

— Я люблю тебя.

Цзян Ся наконец нашел возможность выразить свои чувства:

— Я всегда сожалел, что не смог раньше дать тебе узнать, что ты мне нравишься, и очень сожалел, что не мог всегда быть рядом, чтобы защищать тебя.

Цзян Ся осторожно протянул руку коснуться его лица. Он не отвернулся. Вся доброта, которую Цзян Ся проявлял к нему в последнее время, была у него в сердце, и он не мог найти причины отстраниться.

Но он действительно еще не отпустил Ло Фэнци. Кроме того, у него теперь было двое детей неопределенного пола. Он не мог обременять Цзян Ся, да и давно готовился растить детей в одиночку.

Когда Цзян Ся подался вперед, чтобы поцеловать его, он отвернул голову в сторону. В глазах Цзян Ся мелькнуло разочарование.

Выпрямившись, Цзян Ся не обиделся, погладил его по волосам:

— Я знаю, что ты еще не отпустил. Не торопись, я подожду, сколько угодно. Сегодня я пойду, ты хорошо отдохни.

— Цзян Ся-гэ...

Тан Ихэ схватил его за запястье и с полным раскаянием посмотрел на Цзян Ся:

— Не жди меня. Я больше не способен принять никаких новых чувств.

Даже если бы он мог принять новые чувства, он не хотел обременять Цзян Ся. У него дети от Альфы, а для Цзян Ся, Беты, это, несомненно, огромная ноша.

— Позволь мне подождать еще немного.

Цзян Ся с притворной легкостью улыбнулся:

— Я сейчас пойду. Обязательно пей раствор, ты слишком худой.

— Спасибо.

Кроме благодарности, он больше ничего не мог дать.

Цзян Ся кивнул и вышел из комнаты.

— Дядя Сюй, я пошел.

— Погоди, давай я рассчитаю деньги...

Тан Ихэ в спальне услышал, как Сюй Цинвэнь выбежал вслед за ним. Он взглянул на специальный раствор на столе и на двух детей, беспокойно спавших в кроватке, и сердце наполнилось горечью.

Он переоценил свои силы. Хотя дети родились, тело его было подорвано.

Эти пять дней он держался на растворе, молока для кормления детей совсем не было.

Дети тоже пили раствор, рисовый отвар и смесь, но это лишь утоляло голод, не давая достаточного питания.

Дети и так были слабыми. Если бы Цзян Ся вовремя не купил специальный раствор, он не знал бы, сможет ли он их выходить.

К счастью, специальный раствор, который принес Цзян Ся, подействовал отлично. Через несколько дней лицо Тан Ихэ заметно посвежело, и в руках и ногах появилась сила.

Когда он смог взять детей на руки, он, следуя инструкции к лактогонному средству, смешал его с раствором и выпил.

На следующий день он явственно почувствовал изменения в груди, а еще через день у него наконец появилось молоко, чтобы накормить двоих детей.

Хотя молока было недостаточно, чтобы насытить обоих детей, это было куда лучше, чем ничего.

Когда две коробки раствора и лактогонное средство, купленные Цзян Ся, закончились, Тан Ихэ постепенно вернул силы и аппетит, а дети, попив молока, тоже стали выглядеть лучше.

После месяца, под неусыпной заботой родных, Тан Ихэ, хотя и оставался худым, но заметно округлился в лице.

Оба ребенка тоже поправились, и их вес уже соответствовал здоровым месячным малышам.

Выжили.

И Тан Ихэ, и дети, к счастью, выжили.

Вскоре после разоблачения Луань Шуюня Е Минфань через анонимное письмо узнал о махинациях Дун Цзэ с финансами компании.

В гневе он снова отправил Дун Цзэ за границу под домашний арест, наняв людей для надзора. Без разрешения Е Минфаня Дун Цзэ не смог бы ступить на родную землю.

Узнав об этом, Луань Шуюнь продал дом и машину, подаренные Ло Фэнци, и помчался в страну, где находился Дун Цзэ.

Преодолев немало трудностей, он наконец нашел место жительства Дун Цзэ за рубежом.

Е Минфань не запрещал Дун Цзэ встречаться с кем-либо, поэтому никто не преградил путь Луань Шуюню.

Луань Шуюнь с чемоданом в руке, с надеждой нажал кнопку звонка.

— Зачем пришел?

Дун Цзэ открыл дверь, от него несло алкоголем. Он оперся на косяк, косо посмотрел на Луань Шуюня, в глазах не было никаких чувств — ни радости, ни удивления.

— Я развелся с Ло Фэнци.

Луань Шуюнь показал ему сжатые в руке документы о разводе.

— И какое мне дело?

Он презрительно скривил губы.

Лицо Луань Шуюня изменилось, он с тревогой произнес:

— Конечно имеет! Ты говорил, что любишь меня!

— Ты думаешь, я правда тебя люблю?

Он расхохотался, словно услышал величайшую шутку. Насмеявшись, он насмешливо сказал Луань Шуюню:

— Все это было ложью. Если бы я правда любил тебя, позволил бы тебе жениться на Ло Фэнци? Просто игра, ты же умный, как мог не понять.

С первой встречи, когда он попросил у Луань Шуюня номер телефона, тому понравился он.

Он тоже говорил, что любит Луань Шуюня, поэтому тот позволял им пользоваться и был готов на все ради него.

А теперь, когда Луань Шуюнь проделал долгий путь за ним, он говорил ему, что вся та любовь была лишь игрой.

Сердце Луань Шуюня пронзило болью, глаза покраснели. Он замахнулся и со всей силы ударил Дун Цзэ пощечиной, затем развернулся и ушел.

Дун Цзэ держал голову набок, ударенная щека горела огнем. И так раздраженный, от этой пощечины он пришел в ярость, выругался и со всех сил хлопнул дверью.

Через несколько секунд — бам! Дверь открылась, и он поспешил следом за Луань Шуем.

На одном живописном острове с мягким климатом находился санаторий.

Свежий морской бриз, золотой песок, бирюзовая вода располагали к покою — идеальное место для выздоровления.

Здесь лечился родной отец Ло Фэнци.

Три года назад у отца Ло Фэнци, Ло Цзюньхуа, случился сердечный приступ, и Ло Фэнци привез его в столицу, где в центральной больнице сделали операцию аортокоронарного шунтирования.

После успешной операции Ло Фэнци понял, что здоровье отца все еще слабо, а его собственная карьера была на подъеме, и у него совсем не было времени заботиться о старике. Поразмывлив, он отправил Ло Цзюньхуа в санаторий.

Но как бы он ни был занят, всегда находил время навестить Ло Цзюньхуа.

Раньше он никогда не признавался отцу в своих отношениях с Тан Ихэ и не говорил Тан Ихэ о существовании отца.

Когда он снова приехал в санаторий навестить отца, он открыто рассказал ему обо всем, в том числе о том, как подвел Тан Ихэ.

Ло Цзюньхуа, который никогда не повышал на него голос с детства, со всей силы ударил его по лицу.

С невиданной строгостью Ло Цзюньхуа отчитал его:

— Ты всегда был тем, кем восхищались другие, и я этим гордился. Я и не думал, что ты станешь безответственным трусом! Если ты его не любил, то не должен был соглашаться на его ухаживания, проводить с ним циклы и позволять ему следовать за тобой, покинув родной край!

— Папа...

Ло Фэнци получил пощечину, но не почувствовал боли, лишь с грустью смотрел на Ло Цзюньхуа:

— Я люблю его!

Видя запоздалое осознание сына, Ло Цзюньхуа испытывал ту же боль, но не стал его оправдывать:

— Он был с тобой одиннадцать лет. За такой долгий срок ты так и не сказал ему об этом. Теперь его сердце остыло, и он ушел. Что ты надеешься вернуть словами «я люблю тебя»?

Он знал, что нельзя, но что же делать?

Он не мог отпустить, не мог забыть.

Что бы он ни делал, он вспоминал каждое движение, каждую улыбку Тан Ихэ.

Теперь он ночами не мог уснуть, стоило закрыть глаза, как мозг заполняли образы Тан Ихэ — израненного после его насилия, стиснувшего зубы, боясь застонать от боли.

Даже прибегая к алкоголю или снотворному, он просыпался от кошмаров в полной растерянности.

<http://bllate.org/book/16854/1551567>